

Точка с запятой; или Тихая вода



ДЕТЕКТИВЫ
ГРАММАТИКА
ПИРОЖНЫЕ
НОВАЯ ЖИЗНЬ

Детективные истории Нины Платоновой

Милана Панова

Точка с запятой или Тихая вода

«Автор»

2026

Панова М.

Точка с запятой или Тихая вода / М. Панова — «Автор»,
2026 — (Детективные истории Нины Платоновой)

Зима в Тихоречье. Корректор Нина Платонова обжилась в городке: пироги в кондитерской «Мятный лист», вычитанные вывески, рыжий кот Эклер и капитан Громов, который заходит в пять и молчит очень выразительно. Но в город приезжает королева детектива Регина Вальская и просит Нину вычитать новый роман «Тихая вода» о ночи, когда тридцать два года назад на реке утонул юноша, а все, кто был в лодке, промолчали. Утром после открытия фестиваля писательницу находят мёртвой, а на столе лежит финал романа, где виноват глава района. Нина знает: так Регина не писала. Её единственная улика — чужие запятые. Книга самостоятельная, её можно читать отдельно от первой части: всё нужное объясняется по ходу сюжета. Уютный детектив с юмором, выпечкой и лёгкой любовной линией.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Королева детектива едет в Тихоречье	5
Глава 2. Автор, которая не терпит запятых	7
Глава 3. Вечер открытия	10
Глава 4. Утро в читальном зале	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Милана Панова

Точка с запятой или Тихая вода

Глава 1. Королева детектива едет в Тихоречье

В феврале Тихоречье превращается в открытку, которую забыли отправить. Снег лежит на крышах пухлыми шапками, мятая на подоконниках «Мятного листа» стоит в чехлах из Любимых старых шарфов, а над рекой по утрам поднимается пар, как над чашкой с чаем.

Мне нравился этот город. Я не ожидала, что скажу такое, потому что в двадцать лет убежала отсюда с чемоданом и твёрдым намерением никогда не возвращаться. Но человек, как правило, не знает, где ему хорошо, пока не потеряет работу, мужа и съёмную квартиру одновременно.

К февралю моя жизнь, если смотреть на неё глазами корректора, была вычитана почти без ошибок. Над входом в «Мятный лист» висела вывеска «Выпечка, чай и грамотные вывески», и клиентов у меня набралось с избытком. Две пекарни, парикмахерская, музыкальная школа, аптека, три магазина, ветеринарная клиника и районная газета «Тихоречский вестник», в которой я обнаружила заголовок «Мэр открыл новый детский сад, выпустив шары в небо и в ножницы». Редактор газеты умолял никому не рассказывать.

По четвергам Тамара Ильинична вела в кондитерской «Школу грамотного чаепития», а я проверяла домашние работы красным карандашом. Парикмахер Витя уже писал «шарлотка» без ошибок и гордился этим так, как другие гордятся медалью.

А ещё по четвергам, после школы, в «Мятный лист» заходил капитан Громов.

— Любовь Сергеевна, мне, как обычно.

— Андрей Николаевич, вам как обычно, а Нине Сергеевне как необычно.

Это была Любина шутка. Она повторяла её каждую неделю и каждую неделю удивлялась, что я краснею.

Мы с Андреем Громовым за четыре месяца прошли сложный путь. Мы перешли на «ты», сходили на «Ревизора» (я нашла три опечатки в афише, он нашёл в антракте буфетчицу с двумя неправильно сданными сдачами), потом на «Дядю Ваню», после которого он сказал, что слишком хорошо понимает героя, потом на каток, откуда я вернулась с синяком на колене и ощущением, что жизнь прекрасна. Один раз он поцеловал меня в щёку у театра. Я неделю ходила по городу с видом человека, которому вручили Нобелевскую премию по орфографии.

Но дальше дело не шло. Андрей был вдовцом, восемь лет жил один, и мне казалось, что он делает каждый шаг вперёд, а потом нерешительно возвращается назад, как человек, проверяющий, не оставил ли дома утюг.

Я не торопила. Корректор знает: хороший текст требует времени.

В ту среду я проверяла объявление для районного дома культуры и пыталась объяснить заведующей, что «Приглашаем всех желающих на концерт, который нельзя пропускать, поэтому приходите без опозданий и пропусков» звучит как угроза. Люба влетела в зал с такой скоростью, что колокольчик над дверью издал крик ужаса.

— Нина! Нина, ты не поверишь!

— Говори.

— К нам едет Регина Вальская!

Я посмотрела на неё поверх очков.

— Это кто?

Люба замерла. Рот у неё открылся. Закрылся. Снова открылся.

— Ты шутишь.

— Нет.

— Нина, — сказала Люба медленно, как говорят с ребёнком, который заявил, что не знает, как выглядит Луна. — Регина Вальская. Автор «Чёрной воды», «Тихого дома», «Шести свидетелей». Сорок романов. Миллионные тиражи. Королева русского детектива.

— Любочка, я пятнадцать лет вычитывала детективы. Тираж «Чёрной воды», кстати, три миллиона семьсот тысяч, а «Тихий дом» экранизировали в двух странах. Просто я никогда не видела автора. Корректоры с авторами встречаются раз в жизни, на похоронах.

— Нина!

— Прости. Продолжай.

— Регина Вальская родилась в Тихоречье! — выдохнула Люба. — Она отсюда! Уехала в девяносто пятом, и с тех пор ни разу не приезжала. А теперь городская администрация устраивает фестиваль «Тихоречские чтения», и она почётная гостья. Приедет в пятницу, будет читать новый роман! И, Нин, она хочет, чтобы кофе-паузу на открытии делали у меня!

— Поздравляю.

— Нина, ты не понимаешь. Это мой шанс.

— На что?

— На всё! — Люба схватилась за голову. — Мне нужно сто двадцать эклеров, шестьдесят корзинок, мятное печенье, медовик и этот... как его... профитроли! Ты умеешь печь профитроли?

— Я умею находить в них запятые.

— Значит, не умеешь.

Эклер, дремавший на буфете, приоткрыл один янтарный глаз при слове «эклеры» и тут же закрыл его, смирившись с тем, что речь идёт не о нём.

Вечером у дверей кондитерской меня окликнул почтальон.

— Нина Сергеевна, вам заказное. Срочное.

Конверт был плотный, кремовый, с водяными знаками. На обороте стояло: «Р. Вальская, г. Москва». Я открыла его прямо на улице, под фонарём, на ветру.

Письмо было короткое и написано твёрдым чёрным почерком, какого я не видела уже много лет. Поля ровные, буквы стоят, как солдаты на параде.

«Уважаемая Нина Сергеевна!

Мне рассказали о вас. О женщине, которая поймала убийцу по лишней букве. Я не верю в совпадения, но верю в профессиональную репутацию. Мне нужен корректор на новый роман «Тихая вода»: восемьдесят листов, три недели до сдачи в типографию, из них неделя на фестиваль. Читать нужно быстро, не снисходя к автору. Плата втрое против обычной. Приеду в пятницу, встретимся в вашей кондитерской. Вы, надеюсь, не кусаетесь.

Р.В.»

Я перечитала письмо трижды. Потом посмотрела на небо, где падали редкие снежинки, на Любу, которая за окном кондитерской разговаривала с тестом, и на рыжего кота в окне, провожавшего меня равнодушным взглядом.

— Втрое, — сказала я вслух. — Не кусаюсь.

Меня тронула не плата. Меня тронуло слово «снисходя». Все авторы, с которыми я работала, умоляли меня о снисхождении. Эта женщина просила обратного.

Это был плохой знак. Как потом выяснилось, самый плохой за всю зиму.

Глава 2. Автор, которая не терпит запятых

Регина Вальская появилась в «Мятном листе» в пятницу ровно в три часа дня, и колокольчик над дверью звякнул так, словно испугался.

Я представляла её иначе. Пятидесятиоднолетняя писательница с миллионными тиражами в моём воображении была полной дамой в шали с вязаными розами. Передо мной стояла высокая худощавая женщина в тёмно-синем пальто, с короткой серебристой стрижкой, острыми скулами и глазами цвета старого льда. Она вошла, огляделась, стряхнула с воротника снег, и зал сразу стал как будто меньше.

— Кто из вас Нина Платонова?

— Я, — сказала я.

Регина Вальская прошла через зал, выбрала угловой столик, тот самый, где когда-то сидел Бельский, и села, не сняв пальто.

— Принесите мне кофе. Чёрный, без сахара. И, пожалуйста, не ваш фирменный ромашковый, я его не переносу.

— Это кондитерская, — сказала Люба слабым голосом. — У нас всё ромашковое. Кроме мятного.

— Тогда мятный. Без мёда.

Люба исчезла в подсобке с такой скоростью, словно её катапультировали.

Регина достала из сумки синюю тетрадь в твёрдой обложке, положила рядом ручку-перо, пододвинула стул ногой и посмотрела на меня.

— Присаживайтесь. Я не люблю, когда стоят надо мной.

Я села. Эклер, как ни странно, спрыгнул с буфета и неторопливо прошествовал через весь зал. Он остановился рядом с её стулом, оценил обстановку и запрыгнул на колени. Регина вздрогнула, но не отстранилась.

— Это кот?

— Эклер. Он числится в штате.

— Наглый, — сказала Регина, почёсывая ему за ухом. — Мне нравится.

Люба принесла чай. Регина сделала глоток, поморщилась, сделала второй.

— Съедобно, — признала она. — Нина Сергеевна, расскажите мне о себе. Только честно. Я терпеть не могу, когда мне льстят.

— Мне сорок один год, — сказала я. — Я пятнадцать лет была корректором в московском издательстве. Меня сократили, потому что вместо меня поставили нейросеть. Я вернулась домой, поселилась над кондитерской, ем много пирогов и вычитываю местные вывески. В прошлом году помогла капитану полиции поймать человека, который писал «в течении».

— Я читала в газете. — Она усмехнулась. — Блестящий приём. Он, кажется, ещё и убил?

— Да.

— Дурацкая привычка у людей: убивать и при этом писать неправильно. — Регина отпила чаю. — Моя профессия состоит в том, чтобы придумывать преступления. Ваша состоит в том, чтобы ловить мои ошибки. Мы с вами, Нина Сергеевна, по разные стороны одного стола. И мне нужно, чтобы вы читали мой текст так, как читаете письма убийц.

— То есть придирчиво?

— То есть без пощады. Я не хочу, чтобы в «Тихой воде» остался хоть один неточный знак. Роман для меня особенный.

— Почему?

Регина молчала долго. На подоконнике капала вода с оттаявшего карниза.

— Потому что он о Тихоречье, — сказала она наконец. — О нашей реке. О лодке. И об одном августовском вечере тридцать два года назад.

Люба замерла за стойкой. Тамара Ильинична, которая как раз вошла в зал в своей фиолетовой шапке с помпоном, остановилась в дверях.

— Вы здесь родились? — спросила я.

— Здесь. Меня тогда звали Римма Гаврилова. Мы с одноклассниками давно закончили школу и в августе съехались перед отъездом в разные институты. В одну из последних ночей мы поехали кататься на лодке по Тихой. Четверо. Нет, пятеро. Было ещё нас пятеро.

Она проговорила эти слова очень ровно, и от этой ровности у меня похолодели руки.

— Что случилось?

— Один из нас не вернулся, — сказала Регина. — Утонул. Миша Кравцов. Ему было девятнадцать. Все говорили, что несчастный случай. Выпил, упал за борт, плыл в темноте, не выплыл. Мы, остальные, молчали и кивали. Тридцать два года.

— И теперь вы написали об этом книгу.

— Теперь я написала книгу, — сказала она. — Имена изменены, события в основном вымышлены. Но одни читатели поймут, о чём речь, а другие поймут слишком хорошо.

— Вы хотите, чтобы поняли?

— Я хочу, чтобы признались.

Регина захлопнула тетрадь. Эклер на её коленях лениво шевельнул ухом.

— Вы, Нина Сергеевна, будете читать «Тихую воду» как корректор, а не как следователь. Но я хочу, чтобы вы поняли одну вещь: в этой книге нет случайных слов. Я пишу точно. Каждая запятая стоит там, где должна стоять. И каждая точка с запятой.

— Вы любите точку с запятой?

— Я обожаю её. Это единственный знак, который умеет не договаривать и при этом не врать. — Она впервые улыбнулась. — Кроме того, я всегда пишу букву «ё». Всегда. Даже когда все остальные ленятся. Это моя принципиальная позиция. Если встретите «е» там, где должно быть «ё», знайте: это не я.

— Запомню, — сказала я.

— Ещё я люблю слово «впрочем». Начинаю им предложения. Не вычёркивайте.

— Не вычёркну.

— Числа пишу словами. Сокращений в повествовании не терплю. «Т.е.» и «т.к.» вызывают у меня рвотные позывы. Пишу «то есть» и «так как». Целиком.

— Принято.

— Хорошо, — сказала Регина. — Тогда мы поладим.

Она достала из сумки толстую папку, перевязанную красной лентой.

— Здесь двадцать девять глав. Тридцатую я допишу к субботе. Финал, — она слегка постучала пальцем по тетради, — я пока не отдаю никому. Даже вам. Даже издателю. Я сама ещё не знаю, как он ляжет на бумагу.

— Не знаете?

— Знаю, — усмехнулась Регина. — Но пока придумываю, как сказать.

Она допила чай и встала. Эклер сполз с её колен, оглядел зал и с видом оскорблённого достоинства вернулся на буфет.

— Приходите в семь на открытие, — сказала она. — Я буду читать первую главу. Хочу видеть лица.

— Чьи?

— Тех, кто придёт.

Она вышла, оставив в воздухе запах холодных духов и снега. Колокольчик звякнул ей вслед.

Люба медленно выдохнула.

— Нина, — прошептала она, — по-моему, эта женщина что-то задумала.

— По-моему, тоже, — сказала я и взяла папку.

Папка оказалась тяжёлой. На титульном листе значилось: «Регина Вальская. Тихая вода. Роман». А под названием, мелким шрифтом, от руки: «Посвящается М.К.».

Глава 3. Вечер открытия

В семь часов вечера городская библиотека имени Чехова светилась окнами, как корабль в тумане. Снег падал густо, мягко, засыпая ступени, фонари, припаркованные у входа автомобили и транспарант «Тихоречские чтения. Читаем вместе!» над дверью.

— Тут две орфографические ошибки, — сказала я Громову, когда мы поднимались по ступеням.

— Где?

— «Тихоречские» с одной «и» в слове «чтения» не пишется, но «читаем» через «ё»... нет, шучу. Ошибок нет. Я просто проверяю.

— Нина, — серьёзно сказал Андрей, — вы бываете страшной.

— Я бываю внимательной.

— Это одно и то же.

Он приоткрыл мне тяжёлую дубовую дверь, и мы вошли в тепло, пахнущее старыми книгами, кофе и мокрыми шубами.

В читальном зале собралось не меньше ста человек. Стулья расставили рядами, на кафедре стоял микрофон, а в глубине, на длинном столе, Люба с двумя помощницами выкладывала эклеры, пока Эклер, великодушно взятый на мероприятие, сидел в корзине под столом и мечтал.

Я быстро оглядела зал. Профессиональная привычка: сначала смотри на тех, кто сидит в первом ряду.

В первом ряду сидели пятеро.

Высокий грузный человек в тёмном костюме, с красным лицом и громким смехом: Геннадий Петрович Рябов, глава района. Рядом с ним женщина в сером платье, худая, с тонкими губами и вытянутой шеей, которая теребила цепочку на шее: Агния Львовна Серебрякова, заведующая библиотекой. Чуть поодаль сухощавый мужчина лет пятидесяти в очках, с аккуратной седой бородкой и очень добрыми глазами: доктор Лев Осипович Воронцов, главный врач районной больницы. За ним молодой человек в шарфе и с нервными пальцами: литературный агент Регины, Валентин Мочалов, приехавший из Москвы. И в самом краю, в тёмном платке, прямая, как свеча, старая женщина с палкой.

— Это кто? — шепнула я Громову.

— Мария Павловна Кравцова, — тихо ответил он. — Мать Михаила.

Я почувствовала, как у меня внутри что-то оборвалось.

— Она пришла?

— Её пригласила сама Регина Вальская.

— Зачем?

— Не знаю, — сказал Андрей. — Но не нравится мне это.

Мне тоже не нравилось. Я села в третьем ряду, рядом с Тамарой Ильиничной, которая торжественно вязала в фиолетовой шапке, как королева на приёме.

— Нина, — шепнула она, — смотри на лица.

— Смотрю.

— Смотри внимательно. Я тридцать лет вела девятые классы. Знаю, как выглядит человек, у которого совесть не чиста.

Ровно в семь вышла Агния Львовна. Она поправила очки, откашлялась и дрожащим голосом объявила о начале фестиваля. Речь её была короткой и корявой, с тремя оговорками и одним «как бы». Я привычно отметила про себя, где надо поправить.

Потом она сказала:

— А теперь слово нашей почётной гостье, нашей землячке, знаменитой писательнице Регине Вальской!

Зал захлопал. Регина вышла к кафедре в чёрном платье, с серебряной брошью, ровная, спокойная, сосредоточенная. Она положила на кафедру синюю тетрадь, поправила микрофон и обвела зал своим ледяным взглядом.

— Добрый вечер, — сказала она. — Я приехала в Тихоречье впервые за тридцать один год. Могла бы приехать раньше. Не приезжала по уважительной причине: мне было страшно.

В зале стало тихо.

— Я напишу сегодня то, что должна была написать давно. Мой новый роман называется «Тихая вода». Сейчас прочту первую главу. Прошу не перебивать.

Она открыла тетрадь и начала читать.

Голос у неё был низкий, ровный, лишённый театральности. Это было удивительно: слова звучали не как литература, а как свидетельские показания.

«В ту августовскую ночь над рекой стоял туман, густой, как сливки; впрочем, они не замечали ни тумана, ни воды, ни луны, потому что им было по девятнадцать лет, и мир казался им бесконечным. Лодка была старая, с облупившейся синей краской. В ней сидели пятеро: Алёша, Гриша, Анечка, Лёва и Мальчик».

Я заметила, как дёрнулась Агния Львовна в первом ряду. Она крепче сжала цепочку на шее.

«Мальчика звали Мишей; впрочем, имена в этой истории не важны, важно то, что один вернулся не домой, а на дно».

Рябов громко кашлянул. Потом засмеялся, слишком громко, слишком коротко, как смеются люди, которым приказали смеяться.

«Они тогда договорились молчать; договорились легко, без клятв, потому что клятвы нужны там, где есть сомнение. А сомнений у них не было. Был страх».

Мария Павловна Кравцова сидела неподвижно. Только палка в её руке чуть дрожала.

«Прошло тридцать два года. Алёша стал большим человеком. Лёва стал врачом; Анечка стала хранительницей книг. Гриша стал тем, кто пишет. А Мальчик так и остался девятнадцатилетним».

— Алёша это Рябов, — прошептала Тамара Ильинична. — Лёва это наш доктор. Анечка, судя по лицу Агнии Львовны, она самая. А Гриша кто?

— Она сама, — шепнула я. — Про себя пишет.

Тамара Ильинична поджала губы и снова взялась за спицы. Регина закончила чтение, закрыла тетрадь и подняла глаза.

— На этом пока всё, — сказала она тихо. — Остальное в книге. Развязку я допишу завтра. Многие в этом зале узнают себя. Хочу сказать им одно: я не хочу никого губить. Я хочу правды. Если кто-то захочет рассказать её раньше, чем я допишу, милости прошу. Дверь моего гостиничного номера не запирается.

Зал взорвался шумом. Аплодисменты, шёпот, скрип стульев. Рябов вскочил и, смеясь, зааплодировал громче всех. Агния Львовна побледнела так, что я испугалась за неё. Доктор Воронцов сидел, сложив руки на коленях, и смотрел на Регину с мягкой, чуть печальной улыбкой. Валентин Мочалов нервно листал телефон.

Мария Павловна Кравцова встала, опираясь на палку, и медленно пошла к выходу. На пороге она остановилась, обернулась и посмотрела на Регину. Взгляд этот я не забуду. В нём не было ни благодарности, ни упрёка. Только усталость человека, который ждал слишком долго.

— Нина, — тихо сказал Громов, наклонившись ко мне. — Мне это очень не нравится.

— Мне тоже, — призналась я.

— Эта женщина собрала в одном зале всех, кто был в той лодке. И сказала им, что знает правду.

— Она сказала, что допишет финал завтра.

— Нина, — Андрей посмотрел на меня серьёзно. — Если у вас есть какой-то способ убедить её уехать сегодня ночью, пожалуйста, используйте его.

Я хотела ответить, но Регина уже сходила с кафедры и направлялась ко мне. Ей на ходу пожимали руки, совали книги на подпись, а она отвечала коротко, не останавливаясь.

— Нина Сергеевна, — сказала она, подходя. — Завтра в десять утра. Хочу, чтобы вы прочли тридцатую главу первой.

— Я приду.

— И захватите красный карандаш. — Она понизила голос. — Мне кажется, он понадобится не только для запятых.

Она улыбнулась мне ледяными глазами и ушла в толпу.

Это был последний раз, когда я видела Регину Вальскую живой.

Глава 4. Утро в читальном зале

В десять утра в субботу я пришла в библиотеку с красным карандашом, термосом и папкой, в которой лежали двадцать девять вычитанных глав. Снег прекратился, небо над Тихоречьем стало прозрачным и холодным, как стеклянная чашка.

Дверь библиотеки была приоткрыта. На ступенях стоял Громов.

Он был без шапки, лицо серое, глаза тусклые.

— Не входите, — сказал он тихо.

У меня остановилось сердце.

— Что?

— Регина Вальская умерла.

Я не помню, как поднялась по ступеням. Помню запах: холодная пыль и ещё чуть сладковатое, неживое, чего в читальном зале быть не должно.

Регина сидела за длинным столом у окна, откинувшись на спинку кресла. Голова чуть склонена набок, как у человека, который заснул над книгой. Перед ней лежала распечатка в аккуратной стопке, ноутбук, закрытый и тёмный, и пустая чашка. Рядом стояла синяя тетрадь, раскрытая на чистой странице.

Я не успела подойти ближе: Громов взял меня за локоть.

— Нина, — сказал он. — Пожалуйста.

— Как?

— Не знаю. Агния Львовна нашла её в восемь тридцать, когда пришла открывать. Дверь в читальный зал была закрыта на ключ, а ключ оставался в связке, которую хозяйка вчера вечером унесла домой. Окна заперты изнутри. Следов борьбы нет.

— Её убили?

— Не знаю, — повторил он. — Врач ещё не закончил осмотр.

В глубине зала, у стеллажей с энциклопедиями, стоял сухощавый человек в очках, с седой бородкой и очень добрыми глазами. Лев Осипович Воронцов, главный врач районной больницы. Он аккуратно закрывал чёрный чемоданчик.

— Лев Осипович, — сказал Громов. — Ваш предварительный вывод?

— Остановка сердца, — спокойно ответил Воронцов. — У неё, насколько мне известно, была аритмия, и она об этом знала. Принимала препараты. Вчерашнее напряжение, волнение, бессонная ночь. Опять дописывала финал до утра. Ничего удивительного, к сожалению.

— То есть вы считаете, что смерть естественная.

— Всё указывает на это, — Воронцов снял очки, протёр, надел снова. — Я не хотел бы, чтобы вокруг этого поднимали шум. Дело печальное, но обыкновенное. Бедная Римма. Я знал её с детства.

— Она вам говорила о здоровье?

— Мы вчера вечером поговорили. Совсем коротко. Я посоветовал ей отдохнуть. Она, разумеется, не послушалась.

Я стояла, сжимая красный карандаш. Что-то во фразе царапнуло слух, как лишняя запятая, но я не успела понять что. Голова была занята другим: Регина, которая вчера смеялась ледяными глазами, сидела теперь неподвижно перед своей распечаткой.

— Андрей, — тихо сказала я. — Распечатка на столе. Это та самая?

— Тридцатая глава, — ответил он. — Я не прикасался. Прочитаете?

— Мне надо?

— Вы единственный человек в этом городе, который вчера читал остальные двадцать девять.

Я подошла к столу. Распечатка лежала ровной стопкой: шесть листов, плотная белая бумага, шрифт «Таймс», двенадцатый кегль. На первой странице значилось: «Глава тридцатая. Лодка».

Я взяла лист за уголок.

Я читала быстро, по привычке выхватывая глазом ошибки. И с первой же страницы ощутила то странное чувство, которое бывает у корректора, когда в тексте знакомого автора вдруг пропадает дыхание. Всё вроде бы на месте, а голос не тот.

Последняя глава была коротка и страшна. В ней герой по имени Алёша, он же Алексей, он же Геннадий Петрович Рябов, глава района, признавался, что в ту августовскую ночь ударил Мишу веслом по голове и спихнул в воду. «Я сделал это, т.е. фактически убил его, потому что он обещал рассказать всё». Автор подробно описывал, как остальные заставили его молчать и как он потом, хмуро, десятилетиями делал вид, что ничего не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.